

В.Б. Безгин,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
доктор исторических наук, профессор

Состояние нравственности сельских прихожан в материалах епархиальных отчетов конца XIX – начала XX века

Цель статьи состоит в изучении нравственного состояния российского крестьянства конца XIX – начала XX века на основе содержания отчетов в Синод правящих архиереев и рапортов благочинных в духовную консисторию епархии. Задача исследования заключается в анализе морального облика сельских прихожан, определении степени распространения нравственных пороков в российском селе, установлении факторов, способствующих проявлению девиантного поведения в крестьянской среде.

Источниковой базой исследования послужили годовые отчеты конца XIX – начала XX века ряда епархий Русской Православной Церкви, составленные по единой форме и имевшие раздел о нравственном состоянии паствы. В ряде случаев в текст отчетов включались выдержки из рапортов благочинных отцов с целью характеристики позитивных или негативных проявлений духовной жизни сельских прихожан.

Одной из проблем неизменно указываемой в отчетах было пьянство сельских жителей. Священноначалие с тревогой сообщало о распространении этого нравственного порока в крестьянской среде. «Нетрезвость сильно развита в народе, и пьянство не только не уменьшается, но и усиливается», – констатировал в своем отчете за 1884 год епископ Тамбовский и Шацкий¹. В отчете из соседней Смоленской губернии сообщалось: «В Краснинском и Смоленском уездах замечено было, что частые семейные разделы, множество питейных заведений, близкое соседство евреев, эксплуатирующих бедных крестьян своим беспощадным ростовщичеством, располагают его к беспечности и невозддержанию, к нечистому отношению к чужой собственности»². Таким образом, духовенство увязывало сельское пьянство с распространением в крестьянской среде

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1050. Л. 23.

² Там же. Д. 1049. Л. 28 об.

и других нравственных пороков. Очевидным для священнослужителей были и пагубные последствия употребления алкоголя. Так, Воронежский владыка в 1892 году признавал, что «самым распространенным пороком является пьянство, которому подвержено и подрастающее поколение»³. По наблюдениям (1901) сельского духовенства Тверской епархии «пьянство и соединенное с ним сквернословие особенно заметно в приходах близких к торговым пунктам, куда собираются с раннего утра на целый день»⁴.

Аграрные беспорядки периода революции 1905–1907 годов сопровождались увеличением потребления алкоголя сельскими жителями. Из Орла в 1907 году сообщалось следующее: «За последние два года села и деревни стали неузнаваемы: сами крестьяне мне указывали такие села, которые год назад были нормальными, работающими, религиозными и в течение нескольких месяцев развратились вконец, разорились на вино и представляют собой сборища полоумных, ленивых и жестоких людей»⁵.

Пристрастие крестьян к вину духовные пастыри объясняли существовавшими в селе общественными традициями. «Народ пьет с излишеством во время храмовых праздников, в дни общественных молебствий по случаю общественных бедствий, на общественных сходах, мирских судах и расправах, на ярмарках и базарах, на крестинах и похоронах, и при всяких удобных и неудобных случаях»⁶. Такое суждение находим в отчете Тамбовской епархии за 1890 год Воронежский владыка в 1904 году сообщал, что «употреблением спиртных напитков обыкновенно сопровождаются все более или менее выдающиеся моменты в жизни простого народа, например, свадьбы, сходки, заключение договоров, подписание приговоров и т.п.»⁷. Благочинный 7-го Тамбовского округа докладывал в духовную консисторию (1908) о том, что мирские сходы и всякие заседания по общественным делам начинаются и заканчиваются попойкой⁸.

Другой причиной распространения в деревне страсти к вину сельские пастыри называли влияние отхожих промыслов. В от-

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1384. Л. 34.

⁴ Там же. Д. 1926. Л. 265.

⁵ Там же. Д. 227. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 1361. Л. 24 об.

⁷ Там же. Д. 2019. Л. 19 об.

⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 9.

чете Тамбовской епархии за 1900 год находим следующее утверждение: «В приходах, где развит отход благочинными отцами отмечаются случаи неуважения к церкви и ее служителям, несоблюдение постов, роскошь, пьянство»⁹. «Отхожие промыслы заметно способствуют разложению нравственной жизни простого народа», – признавалось в отчете Курской епархии за 1905 год. Далее сообщалось, что «духовенство епархии почти единогласно свидетельствует, что побывавшие на заработках заметно охлаждаются к св. церкви, свободно нарушают уставы ее и христианские обычаи»¹⁰. «Отхожие промыслы, – по утверждению воронежского владыки, – приучают молодежь к разгульному образу жизни, склонности к мотовству и воровству, ослаблению семейных уз»¹¹.

Возвращение крестьян с отхода также являлось традиционным поводом для сельского пьянства. Корреспондент «Тамбовских губернских ведомостей» в 1883 году писал, что в с. Лесное Конобеево Шацкого уезда «по возвращении из отхода и [после] разделения барышей начинается пьянство. Крестьянин собирает своих родных и близких знакомых, покупает ведро водки и угощает, поят даже детей. Напившись, хозяин идет со всеми в трактир пить чай и пиво. Таким образом, пьют до тех пор, пока не пропьют весь заработок, доходящий до 100 руб. на каждого»¹².

Следует заметить, что оценка отхожих промыслов как фактора, способствующего духовному оскудению к ним прибегавших, и как следствие их нравственной деградации была характерна для большинства рапортов сельских священников. Из отчета Орловской епархии за 1901 год явствует, что «отхожие промыслы на юге создают контингент нравственно испорченных людей, вредных для своих родных семей»¹³. Благочинный 1-го Дмитровского округа Орловской епархии в 1905 году сообщал, что «отходники заносят на родину склонность к разгулу, безнравственные песни, желание легкой жизни, недовольство трудовой жизнью по заветам отцов»¹⁴. «Отправляясь в начале весны на заработки вполне религиозными и благомыслящими людьми, многие из крестьян

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1867. Л. 46 об.

¹⁰ Там же. Д. 2095. Л. 18.

¹¹ Там же. Д. 2019. Л. 20.

¹² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2057. Л. 3.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1910. Л. 42 об.

¹⁴ Там же. Д. 2103. Л. 8.

возвращаются оттуда к осени нравственно испорченными ...», — сетовал в своем донесении за 1905 год один из приходских священников Курской губернии¹⁵. Благочинные церковных округов Тамбовской епархии доносили правящему архиерею в 1908 году следующее: «Отходники, возвращавшиеся из Ростова, Баку, приносят с собой нравственную и антирелигиозную заразу»; «Отходный промысел служит главной причиной охлаждения религиозных чувств»; «Отходники, бывшие на заработках в Сибири, отличаются охлаждением к Церкви, непочтанием икон и церковных установлений, насмешками над священниками»¹⁶.

Наряду с тлетворным влиянием греха пьянства на общественный порядок, крепость семейных уз отмечался и экономический урон, который несли крестьянские хозяйства. Так в отчете за 1901 год из Оренбургской епархии признавалось, что «во многих приходах при 300 или 400 руб. церковного дохода тоже население тратит от 11 до 14 тыс. руб. на водку»¹⁷.

С одобрением духовные пастыри встречали шаги государственной власти, направленные на регламентацию продажи спиртных напитков. В отчетах нашли отражения и перемены, произошедшие в русском селе с введением в стране казенной продажи вина. По донесению благочинных Оренбургской епархии за 1901 год, «пьянство в народе немного уменьшилось ... Мужья не убегают от семьи, как прежде в кабаки — притон необузданного разгула»¹⁸. В этом же году из Пензенской епархии с удовлетворением сообщали, что «по отзывам приходского духовенства с введением казенных продаж не было уже замечено таких неприглядных явлений повального пьянства и неудержимого разгула»¹⁹.

Отмечая благоприятные перемены в жизни деревни, сельские пастыри обоснованно обращали внимание на несовершенство предпринятых властью мер. По сообщению из Курской епархии за 1905 год, «выносная торговля спиртным привела к тому, что распитие вина стало происходить на улицах, площадях, создавая большой соблазн для людей и особенно для детей»²⁰.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2095. Л. 18.

¹⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2076. Л. 2 об, 30 об, 44 об, 66 об, 67 об, 69–69 об, 75.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1909. Л. 22 об.

¹⁸ Там же. Д. 1909. Л. 20 об.

¹⁹ Там же. Д. 1911. Л. 9.

²⁰ Там же. Д. 2095. Л. 17.

Другим следствием ограничительных мер стало развитие в селе шинкарства, тайной торговли вином. В отчете о состоянии Орловской епархии в Синод за 1907 год владыка сообщал: «Торгуют вином в селах и вдовы, и местные кулаки. В селах и деревнях нет таких тайных продавцов, которые были неизвестны крестьянам. Местные кулаки, одержимые старостью наживы, устрашают духовенство и односельчан излюбленным средством борьбы – поджогом, поэтому многие крестьяне и священники избегают вступать в какие-либо пререкания с ними»²¹.

Последствия введения в стране «сухого закона» с началом Первой мировой войны также не остались незамеченными приходским духовенством. «Праздники и семейные торжества, сопровождавшиеся обычно чрезмерным пьянством и разгулом, нередко заканчивавшиеся драками и даже убийствами, теперь проходят тихо, скромно», читаем в отчете о состоянии Оренбургской епархии за 1914 год²². В первый год войны благочинные отцы Орловской епархии в своих рапортах отмечали, что «теперь нет уже безудержного разгула, хулиганства, ослабла преступность, судебные дела сократились, в тюрьмах стало свободнее»²³. Перемены в повседневной жизни села военного времени были зафиксированы и в отчете Тамбовской епархии. В характеристики состояния сельской паствы указывалось, что «прекратилось хулиганство, не стало праздничных хороводов, редко можно услышать звук гармоник, но что особенно отрадно, нет теперь пьяного разгула, драк, сквернословия и т.п.»²⁴. По отзыву благочинного 1-го Усманского округа упомянутой епархии протоиерея В. Сергиевского: «Война благотворно повлияла на нравственное состояние прихожан. Год войны уничтожил сельские улицы – сборища, песен по селу совсем не слышно, сквернословия тоже, кулачные бои совершенно прекратились»²⁵. «Закрытие казенных лавок привело к отрезвлению народа, – сообщал курский владыка в 1914 году, – а вместе с пьянством в поразительной степени сократилось и хулиганство»²⁶. «Даже среди деревенской молодежи, отличавшейся в последние годы

²¹ Там же. Д. 227. Л. 5.

²² Там же. Д. 2665. Л. 26.

²³ Там же. Д. 2666. Л. 14 об.

²⁴ Там же. Д. 2754. Л. 58 об.

²⁵ Там же. Д. 2734. Л. 59.

²⁶ Там же. Д. 2648. Л. 23.

озорством, хулиганством, разгулом и запоем, заметно изменение к лучшему»²⁷, – с удовлетворением признавал в епархиальном отчете за 1914 год оренбургский владыка.

Вынужденное отрезвление деревни в годы войны вызвало другую проблему – заполнение досуга. В условиях фактически поголовной неграмотности сельских жителей возможности культурного времяпрепровождения были весьма ограничены. В то же время в крестьянских семьях появились деньги, ранее пропиваемые мужиками. К тому же солдаты получали казенные пособия, которые привели весьма к неожиданным последствиям. Вот что по этому поводу сообщали благочинные Воронежской епархии в 1915 году: «Обилие денежных знаков, особенно у жен мобилизованных, получавших казенный паек, но проживающих в составе и на средства семей своих мужей, дало им возможность не стесняться в расходах на свои наряды, доходящие по деревенским условиям положительно до роскоши. Этим же пайки породили в указанных семьях большие несогласия, так как солдаты не хотят делиться этими пайками, они не хотят зачастую и работать на приютивших их семьи, считая себя достаточно обеспеченными пайками»²⁸. По отзыву (1915) благочинного 4-го Лебедянского округа Тамбовской епархии священника Добротворского, «за последнее время от прилива казенных денег в народе стала развиваться страсть к нарядам и мотовству. Многие солдаты, жившие прежде под гнетом нужды, теперь обулись в ботинки с галошами»²⁹.

На протяжении всех военных лет сельские священники наряду с усилением религиозных чувств деревенских жителей отмечали распространение в крестьянской среде таких пороков, как воровство, разврат, непослушание старших и все более усиливающее пристрастие к картежным играм³⁰. Увлечение жителей села игрой в карты было отмечено в Воронежской губернии³¹. Страсть к азартным играм в деревне фиксировалась и сельским духовенством Оренбургской епархии³².

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2665. Л. 26.

²⁸ Там же. Д. 2751. Л. 19 об.

²⁹ Там же. Д. 2734. Л. 64.

³⁰ Там же. Д. 2693. Л. 18.

³¹ Там же. Д. 2751. Л. 20.

³² Там же. Д. 2717. Л. 42.

Наблюдения приходских священников об «эпидемии» в селе карточных игр подтверждаются сообщениями сельских корреспондентов. Так, из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии сообщали: «В селе этот порок обратился в потребность, равносильную запою. Что прежде пропивалось, теперь проигрывается в карты. По селам появились игорные притоны»³³. «На деньги в «двадцать одно» играют не только мужчины, но и женщины-солдатки, «германки», как их именуют»³⁴, – признавал автор статьи в «Тамбовском земском вестнике».

Как свидетельствуют документы, нарекания сельских пастырей вызывали «свободные нравы» отдельных солдатских жен. Один из благочинных Оренбургской епархии в рапорте сообщал, что ему «приходилось слышать жалобы на безнравственную жизнь молодых солдаток, долгое время остающихся без мужей»³⁵. Некоторые благочинные Пензенской епархии, давая оценку нравственного состояния прихожан, отмечали случаи «нарушения целомудрия и супружеской верности»³⁶ женами солдат, призванных на фронт. Тревогу о крепости семейных уз высказывали в своих письмах и фронтовики. В них они требовали от местного духовенства «выступить со своей проповедью и усовестить баб»³⁷.

«Распутство» солдаток в годы войны было, скорее всего, все же исключением, чем правилом. Изученные документы дают основания утверждать, что в большинстве своем русские бабы в военное лихолетье не только хранили супружескую верность, но и в отсутствие мужиков приняли на себя всю тяжесть работ в семейном хозяйстве.

Анализ содержания епархиальных отчетов в части характеристики нравственного состояния сельской паствы позволяет сделать вывод о том, что сельские священники адекватно оценивали моральный облик прихожан, верно указывали причины, способствующие распространению пороков среди деревенских жителей. Общим для этих документов является обеспокоенность: трансформацией традиционного уклада сельской жизни; отрывом части

³³ Тамбовский земский вестник. 1916. 30 июля.

³⁴ Там же. 20 октября.

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2717. Л. 42.

³⁶ Там же. Д. 2667. Л. 36 об.

³⁷ Асташов А.Б. Русский крестьянин на полях Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 83.

крестьянского населения от хлебопашества, традиционного занятия селян; распространением в деревне меркантильных интересов; пагубным влиянием «плодов» городской цивилизации. В то же время лишь отдельные архиереи предлагали меры в ответ на эти «вызовы» времени, можно предположить, что в большинстве своем сельское духовенство оказалось неготовым к начавшемуся периоду «духовного оскудения».

Пристрастие к спиртному распространялось в крестьянской среде по причине возросшей социальной мобильности сельского населения. Процесс модернизации, сопровождающийся ломкой патриархальных устоев наряду с позитивным началом, вносил в жизнь села далеко не лучшие черты городского быта. В условиях потери социальных ориентиров, маргинализации российского общества алкоголизм выступал вполне закономерным следствием произошедших изменений. Низкий уровень образованности крестьян, отсутствие в селе форм культурного досуга также благоприятствовали развитию среди крестьян этого народного порока. Крах патриархальной семьи вел к разрыву поколений и распространению у сельской молодежи различных форм отклоняющегося поведения. Ускоренная войной эмансипация крестьянки сопровождалась не только повышением ее социального статуса, но и вела к ослаблению крепости семейно-брачных отношений.